

**Элементы искусственного билингвизма в речи турок
в психолингвистическом и социолингвистическом преломлении**

Abstract. This article presents the forms of two-language contacts that are characteristic for the Turks learning the Russian language. Among them, a special attention is given to the acts of linguistic interference, caused by dominance of native linguocultural code in their mentality.

Key words: Turkish and Russian languages, language contact, artificial bilingualism, linguocultural code, interference, lingual transfer, world view, associations.

При овладении вторым языком обучающиеся неизбежно попадают в ситуацию искусственного билингвизма [Залевская 2011: 36; Дёмушкина 2013: 64; Солодовникова 2013: 88], следствием чего становятся нередкие случаи интерференции на разных уровнях языка. При этом в сознании носителей языка, особенно на первых этапах освоения чужого лингвокультурного пространства, доминирует родной лингвокультурный код, по которому выравниваются новые грамматические модели и определяются семантические и иные ориентиры. Можно сказать, что овладевающий вторым языком «запрограммирован» на сдвиги в языковом выражении в сторону родного лингвокультурного кода, являясь таким «лингвозомби» от него. Вот почему исследователи различают знание языка и пользование им [Залевская 2011: 36].

Турки при изучении иностранных языков также испытывают сильную зависимость от привычных для них грамматических моделей и языковых единиц. Вслед за английским как самым популярным среди иностранных языков на передовые позиции в Турции выдвинулся и русский язык, так как в начале XXI века там было принято решение ввести его в школьные и университетские программы, а в перспективе создать под него в экономике рабочие места (торговля, туристический бизнес). В результате создалась коммуникативная ситуация, когда турецкий язык стал использоваться в качестве обслуживающего при овладении русским. Из-за недостатка знаний и отсутствия навыков владения русским языком турецкие учащиеся вынуждены прибегать к помощи родного языка, чтобы компенсировать недостаток в семантической, грамматической и культурологической компетенции.

Интерференция, которая неизбежно возникает при такой форме языкового контакта, представляет собой внесение в систему изучаемого языка элементов родного языка. При этом, как указывали исследователи, обучающийся не может в одинаковой степени владеть двумя языковыми системами, «располагая менее чем двумя, хотя и более чем одной системой» [Хауген 1972: 62]. Обычная интерференция – это неконтролируемое смешение языковых систем, но иногда носитель интуитивно или сознательно прибегает к ней, чтобы восполнить пробелы в знании чужого языка или культуры. Так, турки, которые с детства воспитываются в уважении к старшим, в диалоге с русскоязычным преподавателем всегда используют обращение *Носат* (букв. *учитель мой*), хотя им знакомы традиции русского обращения по имени-отчеству: *Носат, как вы поживаете?*.

Если же в беседе участвует или упоминается ещё кто-то, то форма названия лица расширяется за счёт собственного имени: *Александр Ходжа говорил нам об этом* или *Александр-бей давал нам этот текст*. Интересно, что турецкие студенты, обучающиеся в Минске, при общении с преподавателями привыкают к использованию имени-отчества, однако узнав, что их новый наставник длительное время проработал в Турции, они при обращении к нему вновь стали использовать форму *Носат*, тем самым включая его в систему правил, действующих на территории Турции. Очевидно, что знание преподавателем турецких реалий и традиций общения подталкивало турецких учащихся к использованию в разговоре с ним специфических турецких слов из разряда безэквивалентной лексики, которые, придавая высказыванию новую коннотацию, становились своеобразными культурологическими маркерами этноса: *Познакомьтесь, Ходжам, это моя abla, старшая сестра* (тур. *abla* ‘старшая по возрасту женщина, старшая сестра, тётя’). В этом случае говорящий пытается ещё выступить и в роли псевдопереводчика.

Определяя похожие случаи как приём переноса явлений родного языка на изучаемый, профессор А. Е. Супрун отмечал его сознательный характер и рамки допустимого трансфера: говорящий не только сознательно вводит элементы родного языка при использовании чужого, но и чётко различает границы допустимого введения [Супрун 1996: 203]. Парадокс в том, что нередко русскоговорящие турки вводят в границы трансфера целые конструкции, которые, как им кажется, больше соответствуют их представлениям о воспитанности. Так, справляясь о протекающей болезни, они могут сказать: *Как вы себя чувствуете, Носат?* Услышав ответ (к примеру, *Спасибо, уже лучше*»), они добавляют: *Geçmiş olsun, Носат!* (букв. *Пусть проходит*). При этом они, в общем-то, остаются в границах русской диалогической речи!

Как-то во время Масленицы автор принёс на занятия приготовленные дома блины и угостил ими студентов. Попробовав русской еды, они сказали: *Спасибо, Носат. Elinize sağlık, Носат, вам и вашей жене!* (*Elinize sağlık* – букв. *Здоровья вашим рукам* – говорится в ответ либо на угощение, либо как благодарность за что-то сделанное своими руками). Таким образом, турки не ограничиваются известными им способами благодарности, принятыми в русской культуре, полагая, что турецкие формы вежливости лучше помогут им соблюсти этикет. Вообще в Турции между носителями русского языка и турецкими студентами устанавливается особая гибридная форма языка, своего рода пиджин, где при русской грамматике нередко лексические турецкие вставки. Этот пиджин выходит за пределы университетов, где преподаётся русский язык, и свойствен всем русскоязычным носителям в Турции – русским, белорусам, азербайджанцам, киргизам, казахам и т. д., которые используют его даже в общении между собой. Турецкими элементами пиджина, в первую очередь, являются обращения, формы речевого этикета, имена и топонимы. Даже носители русского языка в Турции под влиянием конситуации нередко подменяют русские лексические единицы турецкими: *Купи килограмм кайсы и два шефтали. Тамам мы?*

(тур. *kayısı* ‘абрикос’, *şeftali* ‘персик’, *tamam mı* ‘турецкая согласительнo-вопросительная энклитика, соответствующая русским безличным формам *Ладно? Хорошо?*’).

Интерференция в рамках искусственного билингвизма может быть вызвана и неконтролируемым внесением в чужой текст элементов родного языка из-за недостаточности знаний об изучаемом языке или ввиду отсутствия навыков его использования. Так, турецкий студент, комментируя неудачное высказывание на русском языке своего сокурсника, сказал, обращаясь к преподавателю и указывая на оплошавшего товарища: *Крестьянин, Носат!* Форма «крестьянин» в этом случае стала калькой, или, как называл Е. М. Верещагин, «интегрированной моделью» [Верещагин 1969: 76], с турецкого *köylü* «крестьянин», по семантике соответствующего русскому «деревня» в значении «малообразованный человек».

Турецким учащимся бывает сразу трудно привыкнуть к различию в использовании именительного и родительного падежей в формах русского приветствия и прощания. Даже при прощании турки под влиянием родных форм *Günaydın! İyi akşamlar!* зачастую используют русские формы *Добрый день! Добрый вечер!* Этим ещё раз подтверждается мнение, что «билингв, сформированный в искусственных условиях, – это, в первую очередь, национально-маркированная языковая личность, становление которой имело место в рамках родной лингвокультуры» [Солодовникова 2013: 91]. То есть природу интерференции в ситуации искусственного билингвизма следует искать в различии культур в широком смысле. Лишённая для русского уха логики фраза *Я громко слушала музыку* вышла из уст турецкого учащегося, на которого «давила» турецкая модель *Ben yüksek sesle müzik dinledim*. Грамматически и логически верная в турецком, фраза становится в русском алогичной из-за морфологических различий: в турецком языке наречия и прилагательные в большинстве случаев морфологически неразличимы. (Словоформа *yüksek* может быть использована и в значении прилагательного «высокий, громкий», и как наречие «высоко, громко»). Это и является причиной многочисленных ошибок при высказывании, связанных с неразличением форм и функций русских прилагательных и наречий. Так появились в речи турецких студентов «русские» предложения *Погода была очень плохо* или *Наш отель очень удобно*, возникшие под влиянием соответствующих турецких фраз *Hava çok kötüydü* и *Otelimiz çok rahat*, где *kötü* означает и ‘плохо’, и ‘плохой’, а *rahat* – и ‘удобный’, и ‘удобно’. Таким образом, для русскоговорящего турка типичной ошибкой является подмена прилагательного наречием в составе составного именного сказуемого.

Обильный материал проявлений неконтролируемой интерференции дают межъязыковые омонимы. Даже при случайном контакте двух языков может возникнуть ассоциативная ситуация, приводящая к неверному пониманию фразы на чужом языке. Как-то в израильском супермаркете потеряла друг друга русская пара. А поскольку роуминг дорогой, то муж, чтобы найти жену, не стал

звонить, а вместо этого громко позвал её по имени: «Алла, Алла!». Все присутствовавшие в магазине израильтяне попадали на пол лицами вниз: они привыкли, что с криками «*Allah, Allah!*» исламские террористы взрывают пояса шахидов. Как мы видим, совпадение близких по звуковому составу слов может сыграть с билингвами злую шутку.

В проведённом нами эксперименте с русско-турецкими межъязыковыми омонимами [Зинкевич, Калюта 2007] русскую фразу *Генетик создал овцу Долли* 37 человек из 50 перевели на турецкий как *Genetik Dolli koyununu yaratti* вместо *Genetikçi Dolli koyununu yaratti*. Это системная лексическая ошибка турецких учащихся, так как в их родном языке слово *genetik* обозначает не лицо, а науку или область знаний, как, например, *politik* ‘политика’, *fizik* – ‘физика’, *elektronik* – ‘электроника’, *elektrik* – ‘электричество’, *matematik* – ‘математика’ и т. д.

Контакт русской и турецкой звуковых систем осложняется не только разницей в качественном и количественном составе звуков и фонем, но также правилами и способами сочетаний звуков, слогов. Долговременное соблюдение этих правил, конечно, формирует навыки артикуляции звуков и выстраивания звуковых цепочек, привыкания к национальному звукоряду, но трудности воспроизведения и здесь нередки. Известна способность личных имён быть представителем ассоциативного образа нации. Не секрет, что именник не только формируется традициями данной этнокультуры, но и сам формирует наше эстетическое восприятие языка, его национального репертуара: лёгкое, привычное для одной нации имя для другой может превратиться в невыговариваемую комбинацию звуков. Одна наша соотечественница, неплохо владевшая турецким языком, изучала в Турции историю османской музыки. И вот после лекции она сказала своему коллеге-турку: «У них были такие трудные имена, что я ужаснулась! Как я буду их запоминать? Сафиутдин Абдульмумин Урмеви – невысказано!» На что её сослуживец ответил: «А разве ваши имена лучше? – Пётр Ильич Чайковский!».

Обратной стороной искусственного билингвизма в речи русскоязычных турок можно признать сознательное использование преподавателем понятных туркам образов и метафор, заимствованных «на время» из турецкой лингвокультуры, чтобы мысль, выражаемая по-русски, стала понятнее обучающимся. «*Ты, Мустафа, пишешь, как муравей!*» – говорит преподаватель студенту, который на доске записывает примеры корявым почерком. При этом все в аудитории одобрительно смеются, так как сравнение понятно с детства: турки говорят *karınca duası gibi yazmak*, букв. *писать как молитву муравья* (в одной из сур Корана есть молитва муравья, написанная мелкой арабской вязью). Русская же параллельная метафора он *пишет как курица лапой* им пока не знакома и поэтому эффект от её использования будет нулевым. То есть преподавателю следует помнить о специфике национального восприятия метафор, зооморфизмов и т. п.

Создавая, к примеру, зооморфизм, каждая лингвокультура исходит из названного ею доминирующего признака животного. Некоторые лексикографы при составлении толковых словарей даже предлагали использовать в формулировке основного значения таких слов именно его [Сергеев 1983: 64]. Такой признак первичен по отношению к сложившемуся в языке устойчивому выражению с зооморфизмом. Билингву поначалу проще перенести привычный образ в границы другой лингвокультуры, прежде чем он узнает чужой и привыкнет к нему. Так, турок сравнит красоту девушки с серной, газелью, фисташками или даже с глотком воды: *Ходжам, она красива, как глоток воды (O bir yudum su gibi güzeldir)*, хотя такое сравнение русской девушкой вряд ли будет оценено как комплимент. Для русской же лингвокультуры традиционно сравнение красоты женщины с кошечкой, киской, тогда как турки видят в кошке неверность, неблагодарность [Калюта 2008: 284]. Причины такого несовпадения сравнений кроются в разном национальном восприятии эстетических категорий прекрасного и безобразного, и, в конечном счёте, в различных картинах мира.

Изучение турками иностранных языков, в первую очередь, английского, не могло не сказаться и на появлении в ассоциативных полях турецких лексем прямых ассоциаций из них. Тем самым обнаруживаются новые для носителей турецкого языка условные связи систем родного и изучаемого языков, при которой упоминание об элементе одной из них способно вызвать в памяти элемент другой. Причём речь не идёт о спровоцированной реакции, когда, например, на занятиях по русской лексикологии требуется привести нужную лексическую параллель. Речь идёт о спонтанном воспроизведении иноязычной ассоциации при предъявлении турецкого стимула. В ассоциативных полях (АП) 34 турецких слов зафиксированы 43 иноязычные ассоциации с суммой частот 90 [Калюта 2014]. Среди них английские прогнозируемо на первом месте: в АП 32 слов всего 37 реакций с суммой частот 84 (adam – *kiss* 1, ağır – *metal* 1, aile – *family* 1, almak – *take* 1, anne – *mother* 1, araba – *car* 1, ayak – *foot* 1, baba – *father* 1, beyaz – *showman* 3, *show* 6, *stand-up* 1, bilmek – *know* 1, dağ – *mountain* 1, durmak – *stop* 14, ev – *home* 3, güzel – *sex* 1, hafıza – *memory* 4, *remember* 1, hafta – *weekend* 1, istemek – *want* 2, kırmızı – *red* 1, konusma – *speaking* 2, *speak* 1, kötü – *bad* 4, müzik – *radio head* 1, oturmak – *sit down* 2, pazar – *holiday* 1, *Sunday* 1, pencere – *window* 11, peynir – *cheese* 1, rahat – *never*, sağlık – *cheek up* 3, sokak – *street* 1, uyumak – *sleepers* 1, yapmak – *do* 1, yaşamak – *live* 1, yavaş – *slow* 2).

Отметим и 4 русские ассоциации в АП 4 слов: ev ‘дом’ – *дом* 1; sandalye ‘стул’ – *стол* 1; ülke ‘страна’ – *страна* 1; yaşamak ‘жить’ – *жизнь* 1. Кроме них, в словаре ассоциативных норм турецкого языка зафиксированы 2 китайские реакции: свободный ассоциативный эксперимент проводился со студентами нескольких отделений Эрджиевского университета (г. Кайсери, Турция), в том числе английского, русского и китайского.

Не переоценивая значения этих реакций для языка в целом, вспомним упомянутую выше тенденцию «макаронизации» разговорной речи турок, которые

уже достаточно погружены в чужую языковую систему, и констатируем, что это звенья одной цепи и следствие развития «билингвистического сознания» у носителей турецкого языка.

Список литературы

1. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. М., 1969.
2. Дёмушкина, Н. Т. Средства выражения несогласия в билингвальной речи / Н. Т. Дёмушкина // Проблемы порождения и восприятия речи. Череповец, 2013. С. 63–67.
3. Залевская, А. А. Некоторые спорные вопросы теории двуязычия / А. А. Залевская // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие: сб. ст. М., 2011.
4. Зинкевич, А. В., Калюта, А. М. Статистическое обоснование межъязыковой омонимии / А. В. Зинкевич, А. М. Калюта // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI конгресса МАПРЯЛ. Т. 5. Русский язык в сопоставлении с другими языками. София, 2007. С. 106–110.
5. Калюта, А. М. Метафорические характеристики человека в представлении русских и турок // А. М. Калюта // Славянские языки: аспекты исследования (международная конференция «Славянские языки: аспекты исследования» («VI Супруновские чтения»), Минск, 5–6 декабря 2008 г.). Минск, 2009. С. 277–288.
6. Калюта, А. М. Словарь ассоциативных норм турецкого языка: 160000 ассоциаций = Türk Dili Çağrışım Normları Sözlüğü: 160000 çağrışım / А. М. Калюта. Минск, 2014. 208 с.
7. Сергеев, В. Н. Зооморфизмы в языке и словаре / В. Н. Сергеев // Современная русская лексикография. Ленинград, 1983. С. 64–73.
8. Солодовникова, Н. Н. Структура ассоциативного поля как показатель формирования искусственного билингвизма студентов / Н. Н. Солодовникова // Проблемы порождения и восприятия речи. Череповец, 2013. С. 88–93.
9. Супрун, А. Е. Лекции по теории речевой деятельности / А. Е. Супрун. Минск, 1996. 288 с.
10. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 61–80.